

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 11–41.

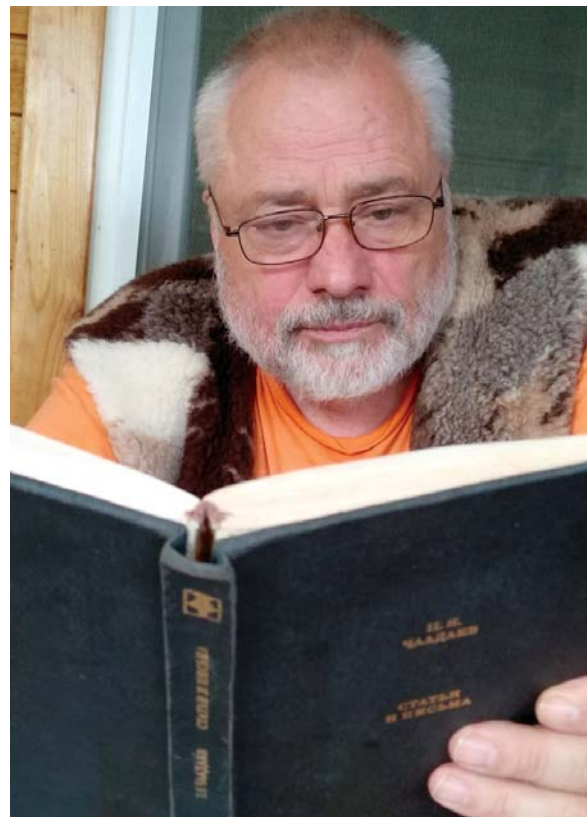
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 4. P. 11–41.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-11-41

«И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ ДЕНЬ...»

Владимир Карлович Кантор
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. Владимир Кантор рассказывает о своем отце, крупном философе — эстетике, философе истории, искусствоведе, авторе книг, отмеченных в России и за рубежом. Эссе написано к столетию со дня рождения Карла Моисеевича Кантора, своего рода юбилейная публикация. Автор статьи приводит оценки его творчества и его личности отечественными философами и художниками. Показан круг общения отца, начиная с друга детства знаменитого кинорежиссера Григория Чухрая, кинорежиссера Марка Донского, художников Ильи Кабакова, Марка Коника, философов Мераба Мамардашвили, Эриха

Соловьева, Пиамы Гайденко, писателей и поэтов Наума Коржавина, Николая Евдокимова и других. Круг этих друзей дает представление о широте интересов Карла Кантора. Статья сопровождается небольшой заметкой студентки о презентации книги «Тринадцатый апостол», а также архивной публикацией «Очаговый характер истории».

Ключевые слова: Маяковский, Карл Кантор, Мамардашвили, дизайн, техническая эстетика, эстетика, философия истории, рабочий класс, Аргентина, Россия, Тринадцатый апостол

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. «И дольше века длится день...» // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 11–41. doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-11-41.

From the Editor

“AND THE DAY LASTS LONGER, THEN A CENTURY...”

Vladimir K. Kantor

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. Vladimir Kantor talks about his father, a great philosopher — aesthetics, philosopher of history, art critic, author of books noted in Russia and abroad. The essay was written for the centenary of the birth of Karl Moiseevich Kantor, a kind of anniversary publication. The author of the article gives assessments of his work and his personality by Russian philosophers and artists. The father’s social circle is shown, starting with a childhood friend of the famous film director Grigory Chukhrai, film director Mark Donskoy, artists Ilya Kabakov, Mark Konik, philosophers Merab Mamardashvili, Erich Solovyov, Piama Gaidenko, writers and poets Naum Korzhavin, Nikolai Evdokimov and others. The circle of these friends gives an idea of the breadth of Karl Kantor’s interests. The article is accompanied by a short note by a student about the presentation of the book “The Thirteenth Apostle”, as well as an archival publication “The Focal Character of History”.

Keywords: Mayakovsky, Karl Kantor, Mamardashvili, design, technical aesthetics, aesthetics, philosophy of history, working class, Argentina, Russia, Thirteenth Apostle

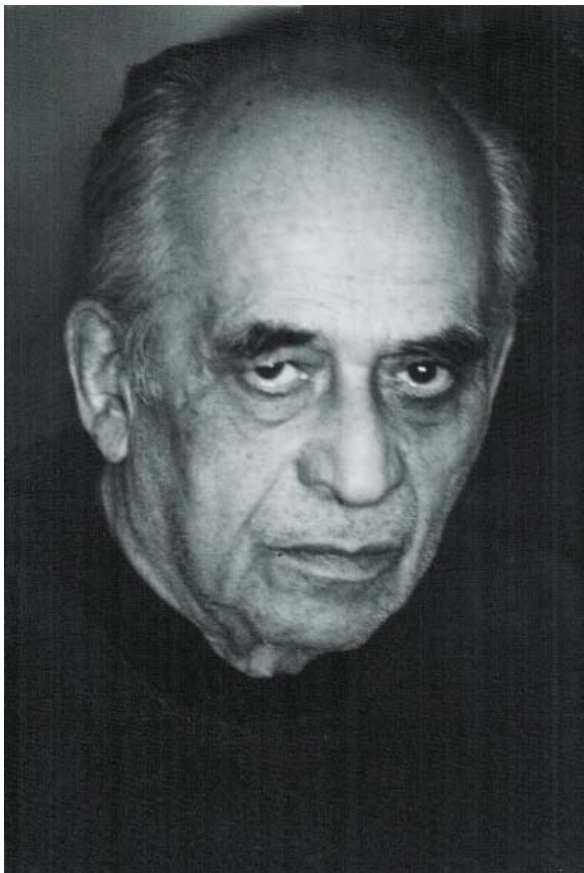
Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V. K. (2022) “And the day lasts longer, than a century...”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(4), pp. 11–41. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-4-11-41.

К столетию Карла Моисеевича Кантора (1922–2008)

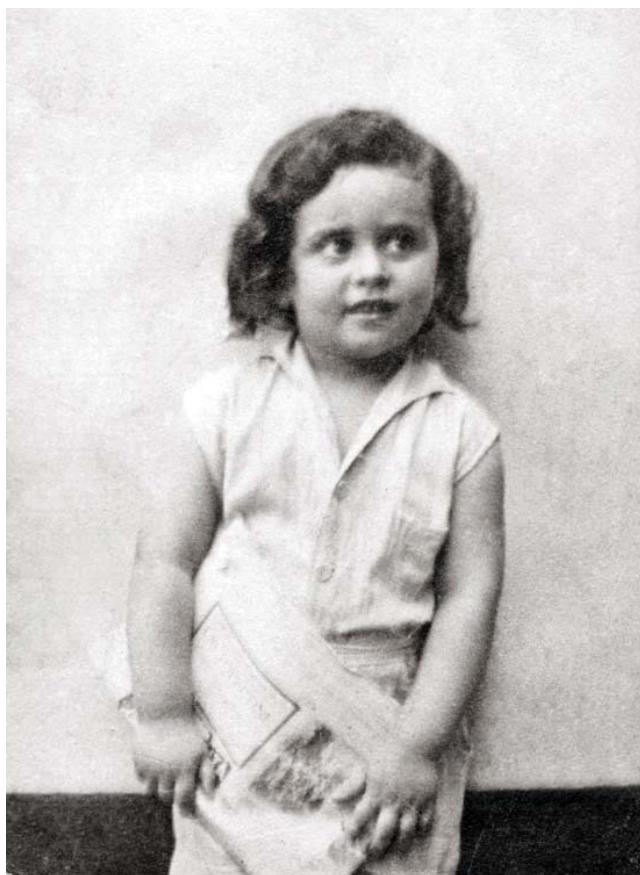
Отец умер восьмидесяти пяти лет от роду. В этом году ему исполнилось бы 100 лет. И он, и мама родились в 1922 году. Говорят, что жизнь человека на шкале истории, где движение меряется столетиями, можно при-

Карл Моисеевич Кантор. 2004

равнять к одному дню. Но мы знаем, что дела человека, память о нем продлевают эту жизнь. Прошло сто лет, но их помнят не только я, моя жена и мой брат: в Интернете еще выходят ссылки на его последние книги. А созданная генетиком-мамой *земклуника* до сих пор растет на садовых грядках.

Необычность отца для меня, для соседей, друзей определялась не только стихами и философией (бытом он жить не умел, хотя и разбирался в моде и примерно 20 лет вел журнал «Декоративное искусство СССР»), но и тем, что он был, в сущности, выходцем из другого мира. Красивый, черноволосый, он родился в Аргентине, в Буэнос-Айресе, полное его имя было Карлос Оскар Сальвадор, и в Советскую Россию был привезен в возрасте четырех лет. Я

Это маленький, еще аргентинский, мой отец.
В семье его звали Ока (то есть Оскар)

Моисей Исаакович Кантор
(1879, село Феропонтьевка Бендерского уезда —
1946, Москва)

вполне мог быть не Карлович, а Сальвадорович или Оскарович. В детстве его звали Ока — очевидно, детское произношение его другого имени Оскар. Для сестры он так и остался Окой.

Его отец, а мой дед, Моисей Исаакович Кантор, был геологом, профессором аргентинского Ла-Платского университета, писал пьесы на испанском из эпохи Возрождения¹.

В Москву дед приехал в 1926 году по приглашению Владимира Ивановича Вернадского. Мать отца, моя бабушка, Ида Исааковна Бондарева (1887–1978), была родом из Юзовки, то есть Донецка. В Аргентину, начитавшись Сармьенто, всю свою семью вывез Исаак Бондарев. В конце XIX века бабушка вернулась в Юзовку, гимназисткой вступила в 1903 году в РСДРП (б), сидела в тюрьме 11 ме-

¹ *Kantor M.*: 1) *Noche de Resurrección: Esbozo dramático en 3 actos* // *Nosotros: Revista Mensual de Letras*. Año XI. T. 25. 1917. P. 181–220; 2) *Sandro Boticelli: Drama en 3 actos de la época di Renacimiento. Griselda: Leyenda dramática en 1 acto de la Edad Media. Noche de Resurrección: Drama en 3 actos de la época moderna*. Buenos Aires: *Nosotros*, 1919. 178 p.; 3) *Victoria Colonna: Poema dramático en tres actos con un prólogo*. Buenos Aires: *Nosotros*, 1922. 115, XI p., 1 portr.; 4) *Halima: Leyenda dramática en un acto* // *Nosotros: Revista Mensual de Letras*. Año XVI. T. 41. 1922; 5) *Leyendas dramáticas*. Buenos Aires: «Buenos Aires»; Agencia general de librería y publicaciones, 1924.

сяцев и снова уехала в Аргентину с первым мужем и годовалой дочкой по имени Елизавета (Елизавета Иннокентьевна Яковлева). Ее родным отцом был *уральский казак, вернувшийся в Россию в 1914 году*. Дочка выросла и стала аргентинской поэтессой Лилой Герреро. А бабушка была социально весьма активна и в Буэнос-Айресе (Байресе) организовала аргентинскую компартию. Там она встретила деда и увела из семьи, где у него уже были три сына. С младшим, Алешей, Алексеем Павловичем Коробициным, отец очень дружил всю жизнь.

Там оставалась его родная сестра, аргентинская поэтесса Ли́ла Герреро, писавшая стихи и пьесы, переведшая на испанский Пушкина, четыре тома стихов Маяковского, да и других советских поэтов и прозаиков, ей посвящена книга отца о Маяковском. Время от времени (уже в хрущевские времена) она приезжала в СССР, в Москву, всегда жила у нас, во дворе соседи смотрели на нее (на живую иностранку с Запада!) из всех окон. Она привозила странную мелкую пластику, которую она расставляла по полкам, необычный русский язык, интерес окружающих и визиты молодых поэтов (запомнил Вознесенского и Евтушенко), мечтавших о переводе их стихов на испанский. Мечтали об этом и молодые философы, ходившие к отцу в гости. Александр Зиновьев принес ей свою рукопись о «Капитале» Маркса.

Отец всю жизнь писал стихи, после войны его друг детства, уже к тому времени известный прозаик Николай Евдокимов отнес его стихи в журнал «Знамя». Их вернули с вердиктом, что человек с фамилией Кантор

Карл Кантор, Ида Исааковна Бондарева,
Моисей Исаакович Кантор

Николай Семенович Евдокимов
(1922–2010)

не может быть русским поэтом. Возможно, роль сыграл не только начинавшийся антисемитизм, но и нелюбовь к последователю Маяковского.

Свою итоговую книгу о Маяковском отец посвятил сестре. Видимо, у сестры был краткий роман с поэтом. Она преклонялась и перед Лилей Брик, поэтому свое имя Елизавета сменила на поэтический псевдоним Лиля. Стала Лиля Герреро.

В середине 1920-х уважавший работы деда по геологии², не раз цитировавший их, великий Вернадский помог ему вернуться в Россию, уже в СССР.

После переезда в Москву дед занялся разработкой как геолог керченского месторождения. За эту работу был выдвинут Вернадским и Ферсманом на Сталинскую премию и в членкоры АН СССР, но по доносу заместителя по кафедре, который боялся возвышения деда, был арестован как троцкист (мол, вернулся из Латинской Америки,

Владимир Маяковский и Лиля Брик. Крым. 1926

² Это геологические тексты деда: *Kantor M.*: 1) *La geología como ciencia aplicada* // *Boletín de la Instrucción Pública*. T. VII. 1913. P. 223–331; 2) *Minerales de Wolfram en la Sierra de Velasco* // *Revista del Museo de La Plata*. T. 20. 1913. P. 116–124; 3) *Roth S., Schiller W., White L., Kantor M., Torres L. M.* *Nuevas investigaciones geológicas y antropológicas en el litoral marítimo de la Provincia de Buenos Aires* // *Anales del Museo Nacional de Historia Natural de Buenos Aires*. T. 26. 1915. P. 417–431; 4) *Contribución al conocimiento de los «Cerros de Rosario» con sus Yaciminetos de mica de la Pcia. de San Luis* // *Revista del Museo de La Plata*. T. 23. 1916. P. 164–174; 5) *El problema de las inundaciones en Andalgala (Pcia. de Catamarca)* // *Revista del Museo de La Plata*. T. 23. 1916. P. 257–269; 6) *Nota sobre la primera reunion nacional de ciencias naturales* // *Nosotros: Revista Mensual de Letras*. Año X. T. 24. 1916. P. 367–369; 7) *Recherches océanographiques sur le littoral maritime de la province de Buenos Aires* // *Anales de la Sociedad Científica Argentina*. T. 86. 1918. P. 83–117 (отд. изд.: Buenos Aires: Coni, 1918. 36 p.); 8) *Investigaciones oceanográficas en el litoral maritime de la provincia de Buenos Aires* // *Boletín del Centro naval*. T. 36. 1918. P. 567–582; 9) *Investigaciones oceanográficas en el litoral maritime de la provincia de Buenos Aires* // *Primera reunión nacional de la Sociedad Argentina de Ciencias*. Buenos Aires, 1919. P. 132–133; 10) *Nota sobre el Onix-Marmol de la Pcia. de San Luis* // *Revista del Museo de La Plata*. T. 24. 1919. P. 169–176; 11) *Carta litológica de la Meseta continental en las proximidades de Quequén (Segundo informe preliminar)* // *Revista del Museo de La Plata*. T. 25. 1921. P. 126–130; 12) *Guía y catálogo de la Colección de meteoritos existentes en el Museo de La Plata, con especial mención de los meteoritos argentinos* // *Revista del Museo de La Plata*. T. 25. 1921. P. 97–126; 13) *Monte Hermoso en relación con el origen del limo y loess pampeano* // *Revista del Museo de La Plata*. T. 26. 1922. P. 281–332 (отд. изд.: Buenos Aires: Coni, 1922).

из Аргентины, по заданию Троцкого) и до 1940 года сидел. Стоит добавить, что дед вернулся в Россию в 1926 году, а Троцкий попал в Латинскую Америку, в Мексику, в 1928-м. Но эта временная и пространственная нестыковка органы не остановила. Большую роль в освобождении деда сыграл Вернадский.

В эти годы много что произошло. Была испанская война, в которой приняли участие мои родственники, знавшие испанский, — бабушка, тетя Лиля, дядя Алеша (Алексей Павлович Коробицин, родившийся, как и отец, в Буэнос-Айресе, взявший фамилию матери и отчество своего деда), знаменитый разведчик, много живший в Мексике, ставший после выхода на пенсию знаменитым писателем. Кстати, один из его приключенческих романов назывался «Хуан Маркадо, мститель из Техаса». О том, как Северо-Американские Штаты захватили мексиканскую территорию Техас. Напичканный Майн Ридом и Фенимором Купером, своего рода книжными вестернами, я не очень принял апологию мексиканской борьбы против Штатов, но дядя Алеша не стал вдаваться в объяснения, сказав, что государство, выросшее на истреблении целого народа — индейцев, нельзя принимать как нечто хорошее. Он воевал в Испании и понимал, что такое война и латиноамериканцы. И рассказал, что в 1848 году США аннексировали Техас, не обращая внимания на возражения мексиканцев. Но нашелся герой...

Отец пытался бежать на испанский фронт, но его изловили и отправили назад в Москву, в школу. В школе отец был известен и прославлен своим чтением стихов Маяковского, которого тогда (да и сейчас) читать вслух не умели. Знойный аргентинец, прекрасно читавший стихи, понятно, стал кумиром школьников. К тому же все зна-

Владимир Иванович Вернадский
(1863–1945)

Алексей Павлович Коробицин
(Алексей Моисеевич Кантор) (1910–1966)

Таня Кантор (урожденная Колобашкина,
девичья фотография у меня нет) (1922–2002)

ли, что в их 213-ю школу он перешел из Лесной школы, куда его пристроила мать (моя бабушка) после неудачного побега на испанскую войну. А отец почти сразу в седьмом классе влюбился в деревенскую девочку, только пару месяцев как переехавшую из села *Покоево* (какое имя!) в московскую грязную и пьяную коммуналку, влюбился в простодушную комсомолку и отличницу, синеглазую Таню Колобашкину, на которой женился уже во время войны и прожил с ней с 1943-го до маминей смерти в 2002 году. С усмешкой отец вспоминал мамин комсомольский сленг. Увидев ее идущую куда-то с одноклассницами — на носу были очередные выборы, — он спросил, куда они направляются. Юная комсомолка важно ответила: «Идем делать напоминание».

Девочки ревновали. Одна из одноклассниц пригласила маму на пруд купаться. Мама никогда плавать не умела. Девушка подвела ее к омуту и толкнула, а сама выскочила на берег. Маму спас случайно проходивший мимо моряк, нырнул, вытащил на берег, сделал искусственное дыхание. Увидев, что спасенная девушка ожила, он, не дожидаясь благодарности, ушел. А девочки охали и осуждали ту, которая пыталась маму утопить.

А потом Великая Отечественная война, в которой участвовали все четыре брата. После войны началась как бы мирная жизнь. Но до хрущевской оттепели, несмотря на орден Боевого

Карл Кантор читает Маяковского одноклассникам

Красного знамени, полученный за Испанию, сестру отца в Советский Союз не пускали — всё же иностранка! Кажется, первый ее приезд после войны случился в 1956 году.

Сестра водила отца к разным известным поэтам, я запомнил только рассказ о Пастернаке, с удивлением говорившем: «Всё же *там* (то есть за пределами его дачи в Переделкино) еще рифмуют». Потом тетка вышла из аргентинской компартии, заявив, что ее руководство лакействует перед советскими коммунистами, и поэтессу Лилу Герреро в СССР снова перестали пускать.

Отец по утрам провожал меня в детский сад через парк «Дубки», всю дорогу читая стихи то Маяковского, то Пушкина. И я тогда был уверен, что они современники. Он жил стихами и меня погружал в этот океан. Как довольно точно было написано в его некрологе:

Начинал он свое творчество как поэт, поклонник Маяковского, влюбленный в поэта, объясняя вместо учительницы своим соученикам его стихи. Как и многим его сверстникам, юность ему поломала война. Его поэзия принята не была, ни одно стихотворение не увидело печати. Стихи писать он продолжал, некоторые из них до сих пор вполне достойны публикации.

Друзья отца любили его любовные, вполне лирические стихи. Он за несколько лет до смерти собрал их в странную книгу (она в рукописи у меня) в

стилистике дантовской Vita Nova («Новая жизнь»), где прозаический рассказ о своих чувствах перемежался стихами.

Это была лирика даже в прозаических строчках, с которых он начал свою книгу: «Тебе, любимая, я, немея от ребячьей робости, написал стихи, заглядываясь на тебя на переменах, когда ты с подружкой под руку прогуливалась по школьному коридору, не замечая меня. Мне было тогда 13 лет». А потом шли стихи.

Гляжу всё и гляжу.
Зрачком в зрачок вникая.
Что ж вызвало грозу,
свет тучей затмевая?

Нигде нам не укрыться
наворожил я сам.
И по иголкам литься,
как по живым ресницам
непрошенным слезам.

А дождь не утихает
Такой, что не отлынь
нас к Богу причащает
Благословенной ливень

Глаза изображают
то радость, то волненье,
и елка оживает
в моем воображенье

Хранишься в елке, Таня
Нетронутой красой.
Звучит, как Таня-Tanne —
И елка — образ твой

Промокших освещали
Иеговы росчерк молний,
волнуясь, молчали
и гром, знакомя нас, молвил:

Забыв про картавость,
он просто
и ясно, совсем не картавя,
нам повторял раз до ста:
“Карл — Таня!”

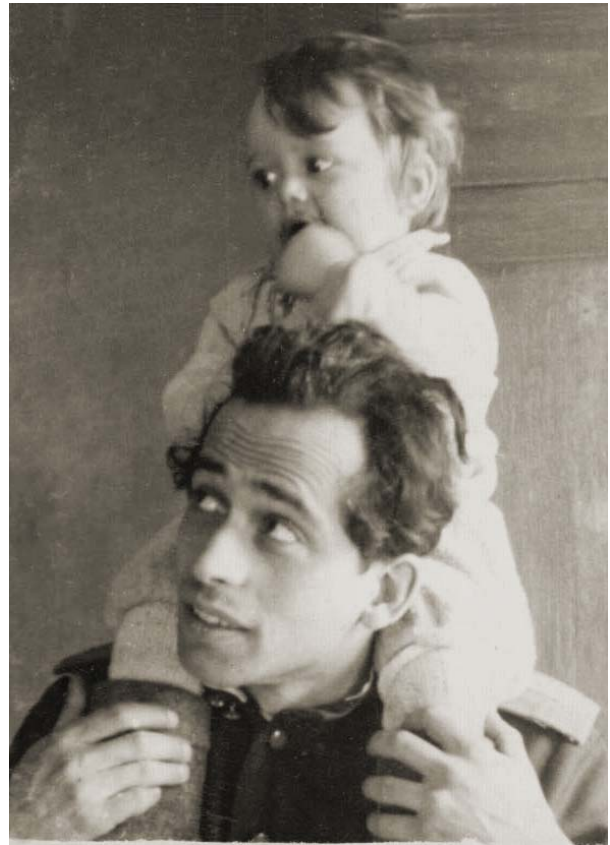
Отец жил стихами, в атмосфере поэзии.

22 июня он с мамой гулял в парке, когда громкоговоритель выдал знаменитую речь Молотова о начале войны. Утром 23 июня отец уже был в военкомате. С 1941 по 1947 год он служил в рядах Советской Армии в авиации дальнего действия (АДД). И писал стихи о войне, обращаясь к любимой девушке.

Цель моя неизменна — Берлин.
Он прогнал нас из парковой рощи.
И, как смерть,
пролетает над ним
Мстящий,
яростный бомбардировщик

Вернулся он на гражданку в 1947 году. Ему было 25 лет. Я вдруг сейчас осознал этот юный, невероятно юный возраст, найдя фото, где я сижу на плечах у отца, офицера Карла Кантора. А ведь позади была страшная война, и, похоже, он еще продолжал себя чувствовать солдатом, интонации выдавали офицера. А я вдруг сейчас подумал, что снимок символический. С плеч отца видно было дальше.

После армии он поступил на философский факультет МГУ. Учился отлично, но в кампанию «космополитизма» один из «приятелей» (студент философского факультета Иван Васильевич Суханов) написал на него донос, где привел нелестные слова отца о Сталине.

С папой. 1947

В 1949 году за день до ареста папа сжег свой дневник.

После доноса собрали общеуниверситетское партсобрание. Коллеги были беспощадны: «Волчий билет!», «Расстрелять Иуду!», «Пусть похлебают лагерную баланду!» Спас отца (о чем он всегда вспоминал с постоянной благодарностью) секретарь парткома Михаил Алексеевич Прокофьев — химик-органик, не философ. Подчеркиваю это. Думаю, к крикам философской толпы он отнесся с презрением. Потом стал академиком, министром просвещения СССР. Прокофьев попросил слово и начал свою речь фразами, сразу изменившими тональность происходившего:

Что случилось с нашим *товарищем* (товарищем! а не гражданином, не врагом! — *В. К.*), коммунистом Карлом Кантором? Как мы могли допустить такую беду с человеком, летчиком Авиации Дальнего Действия (АДД), вступившим в партию во время войны, отличником, заводилой, открывшим нам поэзию Маяковского! Это наша вина, товарищи! Наша недоработка! Поэтому предлагаю самое строгое наказание, которое может постигнуть коммуниста. Предлагаю объявить коммунисту Кантору строгий выговор с занесением в личное дело.

Это было по тем временам суровое решение, почти волчий билет, но не сравнимое по своей мягкости с «лагерной баландой» и т. п. После собрания отца «профилактически», как потом мне объяснили понимающие люди, продержали несколько дней на Лубянке.

Из нефилософов двое друзей отцовской юности — писатель Николай Евдокимов и кинорежиссер Григорий Чухрай (тогда почти неизвестные, лишь один был

Иван Васильевич Суханов (1923, Тюфинь — 2000, Нижний Новгород)

Михаил Алексеевич Прокофьев (1910–1984)

у них чин — фронтовики) — отослали в партбюро философского факультета по письму в поддержку отца, что они ручаются за него своей честью (немодное в то время слово).

Диплом отец писал, опять же, о Маяковском, окончил университет с отличием, но в аспирантуру его не взяли, поскольку с 1949 года на нем стояло клеймо космополита, и этого было достаточно для волчьего билета в философской жизни. С 1952 по 1957 год он работал в Гидромелиоративном институте.

В 1954 году Чухрай позвал отца и меня в Киев на лето. Он работал вторым режиссером на киевской киностудии и поселил нас в киношном общежитии, в комнате, где жили уехавшие в отпуск режиссеры Алов и Наумов. В соседней квартире жил знаменитый кинорежиссер, мэтр Марк Семенович Донской, лауреат Сталинских и прочих премий. Он был, по сути, очень талантливый биндюжник, но имел склонность к умным людям и жену, красавицу и умницу Ирину Борисовну, взял из профессорской семьи. Отец явно понравился Донским. «Люблю умных людей», — говорил мэтр. И мы продолжали общаться в Москве, ездили к ним в гости.

В дни нашего пребывания на киностудии там снимался фильм «Богатырь идет в Марто». Сюжет был классический. Советский пароход «Богатырь» доставляет в пострадавший от землетрясения город Марто строительные материалы и плоты с лесом. Однако иностранная разведка готовит диверсию на «Богатыре». Разумеется, советские побеждают. С этой уверенностью мы жили. Тогда я впервые увидел киношную иллюзию. Весь океанский путь — штормы и проч. — снимался в бассейне

Григорий Наумович Чухрай (1921–2001) и его жена Ирина (Ираида) Павловна (1921–2022)

Марк Донской слева (1901, Одесса — 1981, Москва)

киностудии. Ну а людские сцены — в павильонах. И еще мое открытие — это маленький пруд. По берегам росли ивы, их ветви свешивались аж до середины пруда. Я цеплялся за них и потихоньку начал плавать. И как нам рассказали, на этом пруду снимался первый советский стереофонический фильм «Майская ночь, или Утопленница».

Надо сказать, что в Киеве родилось много выдающихся, даже великих, именно русских художников, мыслителей и писателей. Нынешние националисты делают вид, что этого не было, но тут и Марк Алданов, и Михаил Булгаков, и Казимир Малевич, и Александр Вертинский, далее еще много имен, и завершим список именем великого философа Льва Шестова. Это, конечно, был город русской культуры. Другом отца стал очень большой поэт из Киева Наум Коржавин (Эмка Мандель), который появился у нас дома после карагандинской ссылки и жил неделями. Очевидно, как сейчас понимаю, он устраивал себе ночевку у друзей по паре недель у каждого. Эти стихи были первыми, которые я запомнил с голоса самого поэта.

Наум Моисеевич Коржавин (Мандель)
(1925, Киев — 2018, Дарем, США)

Когда устаю, начинаю жалеть я
О том, что рожден и живу в лихолетье,
Что годы растрочены на постиженье
Того, что должно быть понятно с рожденья.

Ну, если бы разумом Бог бы обидел,
Хоть впрямь ничего б я не слышал, не видел,
Тогда... Что ж, обидно, да спросу-то нету...
Но в том-то и дело, что было не это.

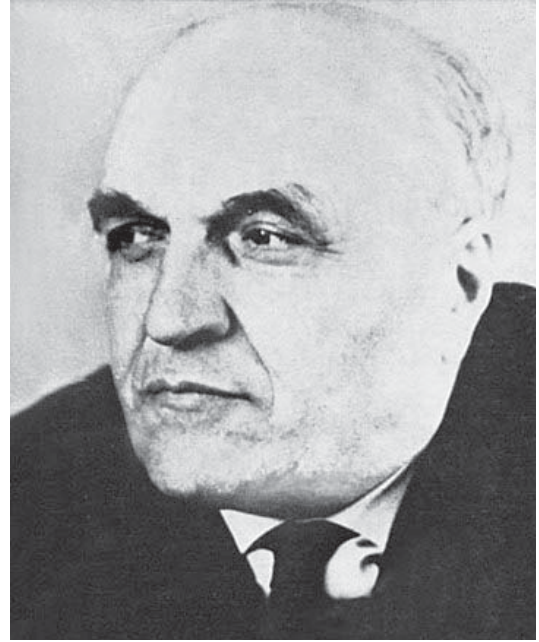
Что разума было не так уж и мало,
Что слуха хватало и зренья хватало,
Но просто не верило слуху и зренью
И собственным мыслям мое поколенья.

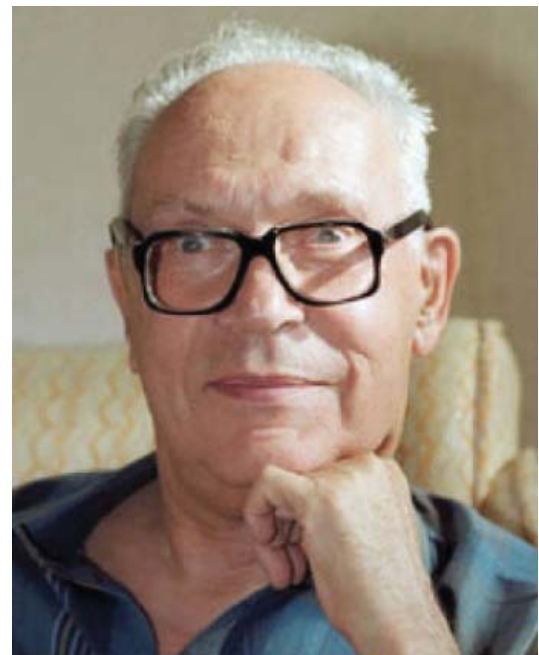
Надо было учиться думать самостоятельно. Я и пытался, некоторые фразы поэта звучали непривычно, например: «Ленин — это марксист-любитель». У отца отношение к Ленину было много сложнее, всё-таки сын старого большевика. Он вполне здесь шел в либеральном мейнстриме — Ленин был гуманист, а Сталин — тиран и деспот. Но Коржавина он высоко ценил.

Через год Григорий Чухрай, думаю, что с помощью весьма влиятельного Марка Донского, сумел пригласить отца читать лекции по эстетике во ВГИК. Там его услышал Ладур. И в 1957 году главный художник г. Москвы Михаил Филиппович Ладур (кстати, замечу, что этот настоящий украинец был потомком пленного наполеоновского француза по имени Ла Тур), ставший главным редактором журнала «Декоративное искусство СССР» (ДИ), пригласил отца на должность заместителя главного редактора и практически отдал ему всё идеологическое наполнение журнала. Приглашая отца на работу, он сказал: «Как цыган чует лошадь, так я чувствую людей». И тот стал своего рода «умным евреем при губернаторе», но с расширенными правами. Он вел журнал, определял его направление и политику.

Худо-бедно, но шла оттепель. В 1964 году отец защитил кандидатскую диссертацию по философии на тему «Теоретические проблемы технической эстетики». Количество друзей отца, бывавших у нас дома и к которым он возил меня мальчишкой, казалось мне большим, но нормальным. Только позже я увидел, что в других семьях такого не было. Да и друзья были не просто разные, практически каждый был если не страничкой, то строкой в истории русской культуры. При этом чинов никаких у отца не было, кандидат философских наук, не больше. Защищал он кандидат-

Михаил Филиппович Ладур
(1903–1976)

Анатолий Ильич Ракитов
(1928–2019)

скую в Плехановке у своего слепнувшего друга Анатолия Ильича Ракитова, который про себя говорил: «Я из России. Это такая страна. Большая. А я маленький. Но что-то понимаю».

Отец любил петь песни, во время службы в армии был запевалой. Но и потом до старости любил запеть, пел детям, пел своей внучке, пел песни своей молодости — тридцатых-сороковых — довоенные и военные. Из бардов очень любил слушать песни Высоцкого, считая его равномоцным Маяковскому в позднесоветское время, но сам его песен никогда не пел. Считал голос, манеру Высоцкого неразрывно связанной с содержанием.

Во время работы отца в ДИ его пригласили в Киев великие скульпторы-монументалисты Ада Федоровна Рыбачук и Владимир Владимирович Мельниченко, создавшие проект памятника жертвам Бабьего Яра.

Слова отца на буклете, посвященном проекту:

...Когда два молодых тогда живописца, скульптора и архитектора Ада Рыбачук и Владимир Мельниченко представили на конкурс в 1965 году свой проект памятника «Бабьему Яру», я сказал себе — такой нужен. И, возможно, только такой. И только для Бабьего Яра. <...> Воздвигая высокую стену из могучих каменных блоков, окружающую, обнимающую, охраняющую место погребения расстрелянных, скульпторы как бы возрождают замытый овраг. Вот он снова перед нами — исчезнувший было Бабий Яр. Спускаясь по широким ступеням к Урне с «прахом» убитых, ты не просто созерцаешь со стороны некий монумент, но как бы сам повторяешь путь тех, кто некогда был сброшен на дно оврага. А камни-блоки стены, вдоль которой идешь, вдруг словно бы оживают. Это ведь та самая чередка покорно идущих на гибель евреев. И ты идешь вместе с ними. <...> Камни, из которых составлена стена, движутся сначала в мерном ритме; потом шаг сбивается, ритм рвется; камни начинают раскалываться, крошиться, оседать. Это падают расстрелянные, подкошенные пулями люди. Камни давят на душу; почти физически ощущаешь впившиеся в тело, в голову острые углы камней. Вспоминаешь терновый венец Христа, ибо эта стена — подобие каменному венцу вокруг чела избранного на страдания народа.

Ада Федоровна Рыбачук
(1931–2010)

Еще не видя тогда надгробных камней еврейских кладбищ, Ада и Владимир «угадали» их в своем проекте.

Проект А. Рыбачук и В. Мельниченко был признан общественной экспертизой (а в комиссию входили известные деятели культуры, в том числе режиссер Сергей Параджанов) лучшим. Описание их проекта памятника было опубликовано в 12 номере журнала «Декоративное искусство СССР» за 1966 год, в материалах к статье Виктора Некрасова «Новые памятники». Но высокое начальство его отклонило, поставив нечто казенное в этом трагическом яру. Теперь мне немного понятно почему.

Немецкие фашисты были не главными распорядителями этого ужаса. Устроителями и исполнителями были украинские бандеровцы с их глубоко вкорененном национализмом и антисемитизмом. Не могу не привести один рассказ.

Владимир Владимирович Мельниченко
(1932-?)

Ада Рыбачук и Владимир Мельниченко. Проект монумента

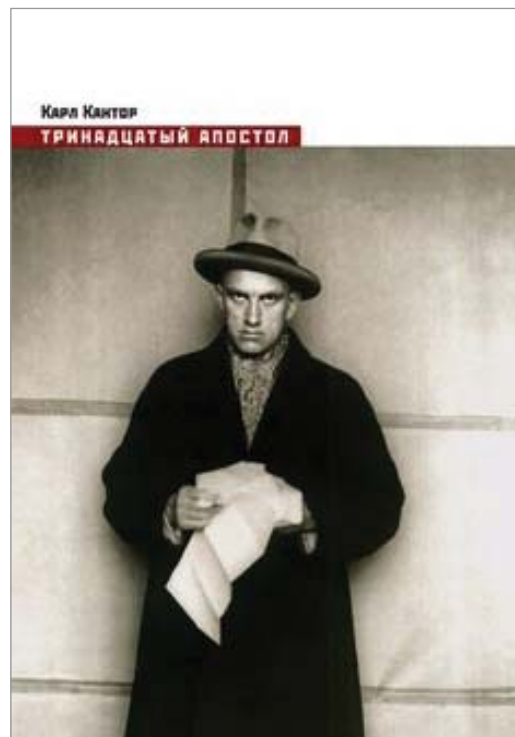
Отца и Аду Рыбачук с Владимиром Мельниченко пригласил к себе высокий киевский чиновник. И сразу, чтобы принизить московского гостя, он заговорил на украинском, усмехаясь бритыми губами. Отец растерянно посмотрел на молодых друзей. И тут Ада Рыбачук, родившаяся в Киеве, почетный член многих художественных академий, жестко сказала, обращаясь к соавтору: «Володя, переведи. Я этот язык плохо понимаю». И чин перешел на русский.

Книга о Маяковском — последняя книга отца. Вот вступление в книгу «Тринадцатый апостол»:

Я прожил жизнь под звездой Маяковского. Моя сестра — Лиля Герреро — передала мне, восьмилетнему мальчику, эстафету любви к этому гиганту. Сколько раз из десятилетия в десятилетие я пытался написать о нем, о моей любви к нему.

Не писал, говорил себе: погоди, ты еще не готов, напишешь не так и не то. Дальше откладывать некуда. Мне 84. Семьдесят шесть лет я жил с ним неразлучно. Мои ближайшие друзья — Николай Евдокимов, Григорий Чухрай, Александр Зиновьев и мои сыновья Владимир и Максим и жена Таня разделяли мою любовь к Маяковскому. Тане я обязан больше, чем кому бы то ни было. Татьяна Сергеевна была ботаником, генетиком, селекционером. Именно от нее я впервые узнал, что такое ген, генотип, генетическая наследственность. Чтобы понимать, что она делает, я читал книги по генетике. Я наблюдал за ее работой на кафедре генетики в МГУ, в комнате, в которой жужжали, шумели тысячи маленьких мушек — дрозофил. В это время я учился в другом крыле того же здания на Моховой, на философском факультете, потом, как лодочник, помогал ей в опылении речных цветов на Оке в Институте генетики и селекции АН СССР, затем вторгся в Главный ботанический сад АН СССР, где работала Таня, и, наконец, я наблюдал исследования в том подмосковном Институте земледелия и садоводства, где Таня вывела с помощью химоутогенеза два новых ягодных вида — земклунику и сморжовник. Я обязан Тане мыслью об историософии проектирования, идеи которой прозвучали и в этой книге о Маяковском.

[Кантор, 2008, с. 3–4]

Тринадцатый апостол.
М.: Прогресс-Традиция, 2008

Автопортрет Лилы Герреро
(1906–1986)

Строго говоря, отец вернул изначальное название поэмы, известной сегодня как «Облако в штанах», данное Маяковским. По цензурному требованию название «Тринадцатый апостол» поэт убрал.

Отец писал свою книгу о Маяковском фактически всю жизнь, поэтому сумел увидеть в нем христианского апостола. До него это никто не видел. Должен добавить, что мой брат Максим, друживший тогда с одним известным постмодернистом, узнав, что тот тоже пишет книгу о Маяковском, не удержался и рассказал ему, как отец назвал свою работу. Известный постмодернист как человек неглупый сразу понял выгоду этого названия и дал своей книге то же заглавие.

Для постмодернистов проблема честности, как и истины, отсутствовала.

Сестра познакомила отца с Лилей Юрьевной Брик. Отец произвел на отечественную Беатриче впечатление. Он рассказал ей, что видит в Маяковском Тринадцатого апостола. И она подарила отцу их самую известную фотографию, подписав ее и от Маяковского, и от себя, разумеется: «Карлу Кантору — Владимир Маяковский и Лиля Брик». Это был знак высочайшего уважения. Отец несколько раз был приглашаем к ней в гости. И как-то раз принес Лиле

«Карлу Кантору — Владимир Маяковский и Лиля Брик»

Книжная полка отца с фотографиями друга юности Григория Чухрая. Фото М. С. Киселевой

Юрьевне пару моих новелл. Через неделю она позвонила отцу и просила меня прийти к ней на следующий день в двенадцать часов. Жили мы бедно, но что-то более или менее приличное мне мама подобрала. Потом родители ушли на работу, а я остался, переживая, переживая возможные хвалебные слова, которые я услышу. Но я их не услышал, поскольку пришел на час раньше назначенного времени. Хозяйка сама (маленькая, изысканно — это я понял — одетая старая дама)

открыла мне дверь, я пробормотал, что я сын Карла Кантора, она впустила меня в прихожую, пожала руку, сказав: «Обождите», ушла в глубь квартиры, откуда слышались голоса. Она вынула мои листочки, протянула их мне со словами: «Жаль, что пришли раньше назначенного времени. Я хотела с Вами побеседовать. А сейчас я занята. Всего доброго». Конечно, потом я подумал, что всего одно рукопожатие отделяет меня от великого поэта, но это было плохое утешение.

Первая опубликованная книга отца «Красота и польза» (1967) начиналась со слов о Канте: «Кант впервые четко зафиксировал отличие красоты от пользы и тем положил начало эстетики» [Кантор, 1967, с. 6]. Так начиналась техническая эстетика в СССР. Докторскую папа так и не защитил. Он не был ограничен рамками профессии, поэтому не только смог в течение 20 лет руководить журналом «Декоративное искусство СССР», но и превратил его в лидирующий искусствоведческий журнал, где, возрождая идею ЛЕФа о производственном искусстве, он ввел в отечественную мысль понятия дизайна и

технической эстетики, что привело в результате к созданию ВНИИТЭ. Когда по распоряжению Сулова отца уволили из журнала, его с трудом взяли старшим научным сотрудником в Институт технической эстетики.

В связи с этой книгой один из лучших отечественных философов Эрих Юрьевич Соловьев, в те годы автор книги «Экзистенциализм и научное познание» — книги, которую отец заставил меня прочитать, «если я хочу стать образованным человеком», — написал:

Со стороны Кремля к нам приближался Карл Кантор.

Лицо: он походил на библейского пророка и пребывал в Христовом возрасте.

Одежда: на нем был закордонный добротный плащ, о каком мечтали в ту пору все поклонники Ремарка.

Душа: о ее достоинствах неопровержимо свидетельствовал голос.

Поставленные голоса, которые мне дотоле доводилось слышать, как правило, были поставлены под Левитана, под дикторство. Их обладатели интонационно кричали и гремели, даже если говорили совсем тихо. В бархатном баритоне Карла Кантора не было ни грана дикторства. Человек страстный, он, однако, говорил тихо даже тогда, когда громко декларировал. Секрет уникального исполнения им стихов Маяковского (о чем так часто с восхищением вспоминают), на мой взгляд, заключался в том, что он всего Маяковского читал лирически, умудряясь даже плакатные строфы изымать из митингового дискурса. Подобная дикция одними голосовыми упражнениями не достигается; за ней непременно кроется внутренняя духовная работа.

Красоту ума выявили уже первые дружеские беседы, состоявшиеся в 1958–1959 гг. В Канторе восхищала не столько даже незаурядная эрудиция, сколько редкая проработанность, цельность и укомплектованность его многознания. Уже в ту пору можно было догадаться, что он призван к великолепию историософских размышлений (которым, слава Богу, и отдался в конце жизни, — с первых лет столь подозрительной для него перестроечной свободы).

Беседующим Карлом нельзя было не любоваться. Вместе с тем чем чаще случались наши беседы, тем навязчивее преследовал меня почему-то следующий вопрос: а не сомнительно ли само словосочетание «красивая мысль»; не избыточно ли качество красоты для истинной мысли; не скрадывает ли оно нравственно значимую прозаичность и затрудненность ответственного рассуждения?

По строгому счету вопрос относился не к Кантору, а, скорее, ко мне самому, но одним из стимулов к его долгому (по сей день незавершенному) обдумыв-

ванию послужила монография «Красота и польза», подаренная мне Карлом в конце 1967 г. (М., 1967).

[Соловьев, 2012, с. 58]

По сути дела, отец стал одним из тех, кто пытался возродить отечественную традицию промышленного искусства, введя термин технической эстетики, понятия дизайна и маркетинга, которые тогда казались пришедшими совсем из другого мира. В эту сторону ему удалось повернуть и «Декоративное искусство». Так возникла теория советского дизайна, которую отец строил с опорой на левовские идеи промышленного искусства Бориса Арватова и Владимира Маяковского. Как ни странно сегодня это слышать, но термины «дизайн», «техническая эстетика», «маркетинг» и т. п. впервые в СССР прозвучали в его статьях в «Декоративном искусстве». Никогда ранее не занимаясь этой проблематикой, он превратил журнал в теоретический центр декоративно-прикладного искусства. Когда после ухода М. Ф. Ладура на какой-то момент отец стал и. о. главного редактора, и требо-

Эрих Юрьевич Соловьев (р. 1934)

валось уже немного времени, чтобы утвердить его в должности, он посвятил очередной номер полузапрещенному тогда Марку Шагалу со статьей Ильи Эренбурга о художнике (ДИ. 1967. № 12).

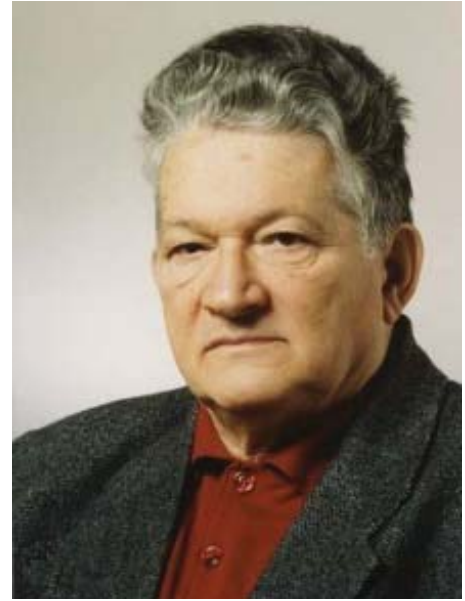
Тогда цековского куратора по искусству вызвал член Политбюро, советский великий инквизитор, или «серый кардинал Кремля», как его называли, Михаил Андреевич Суслов и произнес, бросив журнал на стол: «Кто разрешил?» Куратор тут же ответил: «Уже уволен». И действительно, отец был уволен задним числом.

Но в 1966 году в СССР был создан Институт международного рабочего движения (ИМРД). Он располагался в Колпачном переулке. Ди-

Михаил Андреевич Суслов
(1902–1982)

ректор института Тимур Тимофеев, сын генсека коммунистической партии США Юджина Денниса, набрал себе неслабых сотрудников, ведущих интеллектуалов тех лет — Мераба Мамардашвили, Юрия Замошкина, Эриха Соловьева, Юрия Карякина, Виталия Вульфа, Юрия Давыдова. Зная, что отца уволили из ДИ и что во ВНИИТЭ его всячески принижали, Мераб предложил попробовать ИМРД. Он поговорил с Тимуром Тимофеевым, сказав, что мать Карла Кантора была одно время сотрудником Коминтерна. Для сына генсека компартии США это была отличная рекомендация, да и некоторые работы отца он, видимо, читал.

Тимофеев Тимур Тимофеевич
(1928–2013)

Особая тема — его круг общения. Достаточно перечислить имена людей, которые считали себя его друзьями. Были друзья с детства — я уже поминал Григория Чухрая и Николая Евдокимова, — приходили в дом армейские друзья. Потом был философский факультет, откуда пошли тесные отношения со многими: это А. И. Ракитов, А. А. Зиновьев, Э. В. Ильенков, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский, Ю. А. Левада, А. А. Гусейнов, Э. Ю. Соловьев, Н. В. Мотрошилова, П. П. Гайденок, В. Ф. Кормер, Д. Е. Фурман, очень широк был круг художников и искусствоведов: Э. И. Неизвестный, И. И. Кабаков, Б. Н. Немечек, М. А. Коник, Д. и Л. Шушкановы, Ю. И. Герчук, Л. Г. Крамаренко и другие. Он любил самостоятельность мысли. Люди, с кем он общался, обладали этой независимостью. Деталь: Илья Кабаков и его тогдашняя жена Вика Мочалова, красавица-славистка, и мои родители жили в одном подъезде и на одной площадке. Поэтому в гости друг к другу ходили.

У нас называют эту плеяду шестидесятниками, связывая их появление с хрущевскими разоблачениями Сталина в

Стол отца. Сфотографирован Мариной Киселевой.
На столе фото молодой мамы

конце 1950-х — начале 1960-х. Но я бы назвал другую причину их появления. Это были люди, если сказать красиво, «опаленные войной». Война на многое открыла им глаза, а главное — воспитала в этих молодых лейтенантах и капитанах умение и желание мыслить самостоятельно. Григорий Чухрай сражался под Сталинградом, служил в десанте, поэтому столь подлинным стал его фильм «Баллада о солдате», который за его подлинность чиновники поначалу не хотели выпускать на экраны. Николай Евдокимов до своего ранения был военным разведчиком. Одним из первых был Эвальд Ильенков, лейтенант, дошедший до Берлина, читавший не учебники, а самого Гегеля.

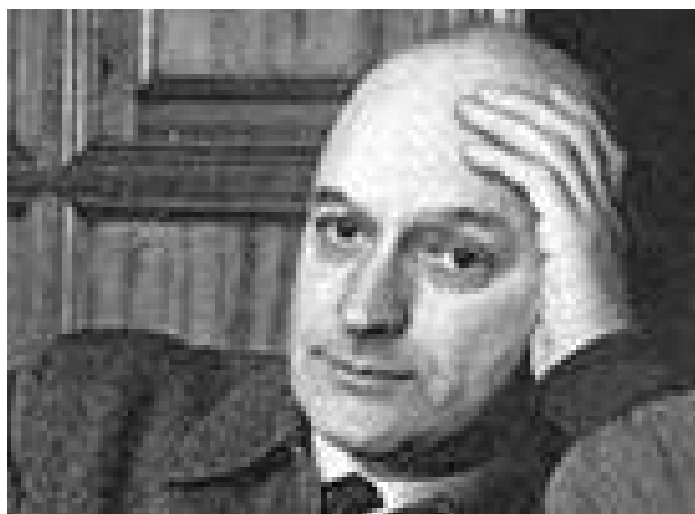
Вокруг него толпились молодые «гегелисты» (не путать с гегельянцами). Следом пошли те, кто заново читал Маркса и кого самый грамотный философ тех лет Михаил Лифшиц назвал «младомарксистами». Они как бы заново своим усилием восстанавливали прерванную традицию русской философской мысли, переоткрывая то, что, казалось, уже было открыто. Но в свои открытия они вносили свой опыт — пережитый Россией, военный и опыт разрушительной революции (в которую они верили в ее идеальных посылах). Ее идеи, благородные и великие, как любил повторять отец, противоречили практике сталинского и советского правительства.

Были у отца и философские противники.

Михаил Александрович Лифшиц, когда-то левовец, разорвавший с левым прошлым, создатель тома «Маркс, Энгельс об искусстве», автор знаменитой в свое время брошюры «Почему я не модернист?», любимый автор «Нового мира» Твардовского, прошедший всю войну в морфлоте, редкий знаток тек-

Эвальд Васильевич Ильенков
(1924–1979)

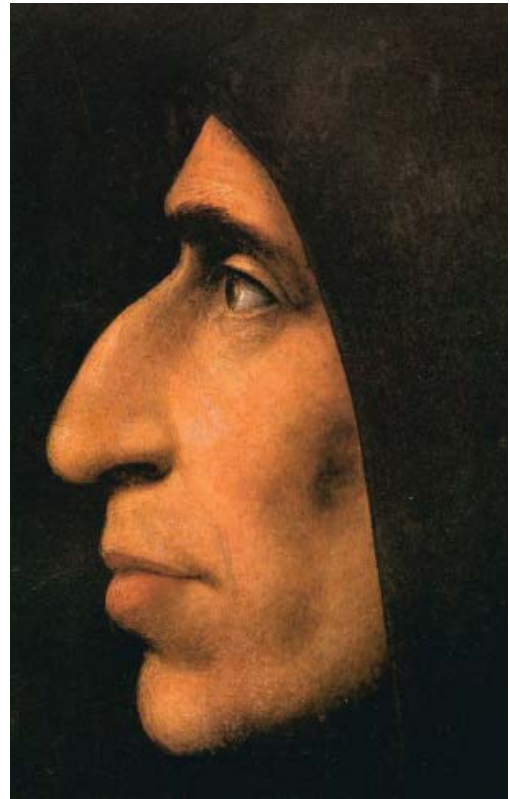

Михаил Александрович Лифшиц (1905–1983)

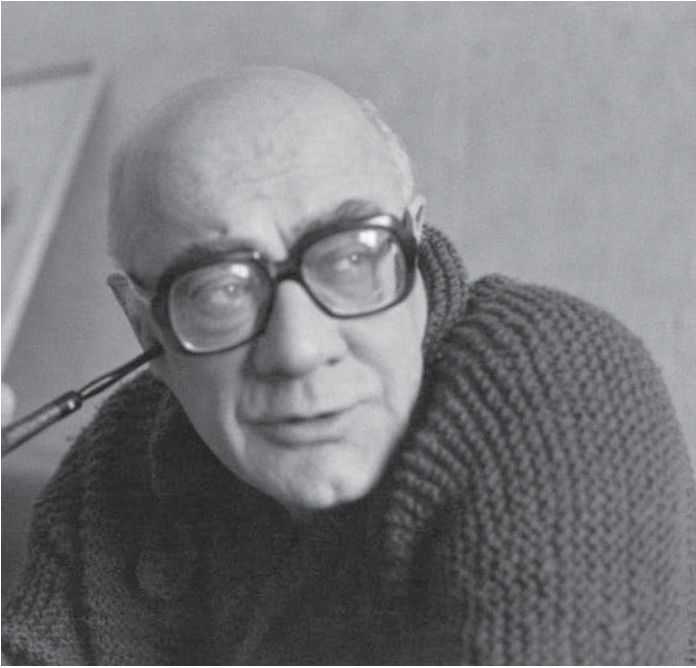
стов Маркса. С отцом у него были напряженные отношения из-за любви отца к Маяковскому и ЛЕФу, возрождавшему в 1960-е годы идею производственного искусства. Я Лифшица немного знал, как человек, редактировавший его статьи. Поначалу он поглядывал на меня подозрительно, но в конечном счете принял меня как редактора. Принял уважительно.

В семидесятые годы говорили, что в Москве осталось два преданных идеям Маркса марксиста — Лифшиц и Кантор. Но Лифшиц был старше, мудрее и на вопрос, почему он марксист, позволил себе как-то пересказать историю из Боккаччо о том, как один католик уговаривал друга-еврея принять католичество. «Хорошо, — ответил еврей. — Но прежде я хочу съездить в Рим и посмотреть, как живет папа». Католик загрустил. Через некоторое время еврей возвращается и говорит другу, что готов принять католичество. Тот удивлен. «А ты видел роскошь папского двора? Слышал про его многочисленных любовниц и бастардов?» Еврей кивнул головой: «Всё слышал и видел. Но если после всего этого ваша вера стоит, значит, Бог за вас». И Лифшиц добавлял: «Вот почему я остаюсь марксистом». Пересказав мне эту историю, Володя Кормер, мой друг, коллега по «Вопросам философии» (ВФ) и чрезвычайно сильный писатель, добавил, что сам Лифшиц был большой бонвиван с множеством амуров, и вдруг произнес: «И вообще я не понимаю, почему он не модернист!» Нина Николаевна Козюра, духовная сподвижница Лифшица, вела отдел эстетики в ВФ. Она придумала отцу прозвище «Савонарола советской эстетики».

Благодаря отцу я достаточно близко, почти по-домашнему познакомился с самыми большими интеллектуалами Москвы. После аспирантуры я не мог устроиться на работу (Кантор и беспартийный!), зато стал как бы снова учиться и ходил на психфак МГУ слушать Мераба Мамардашвили — он читал цикл лекций «Проблемы анализа сознания». Раз или два после лекции я задал ему несколько вопросов. Он спросил у кого-то из знакомых, что это за молодой человек (у нас дома он ни разу не был). Ему ответили, что это сын Карла Кантора, и он начал приглашать меня с небольшой компанией поклонников

Фра Бартоломео. Портрет Джироламо Савонаролы. 1498

Мераб Константинович Мамардашвили
(1930, г. Гори — 1990, Москва)

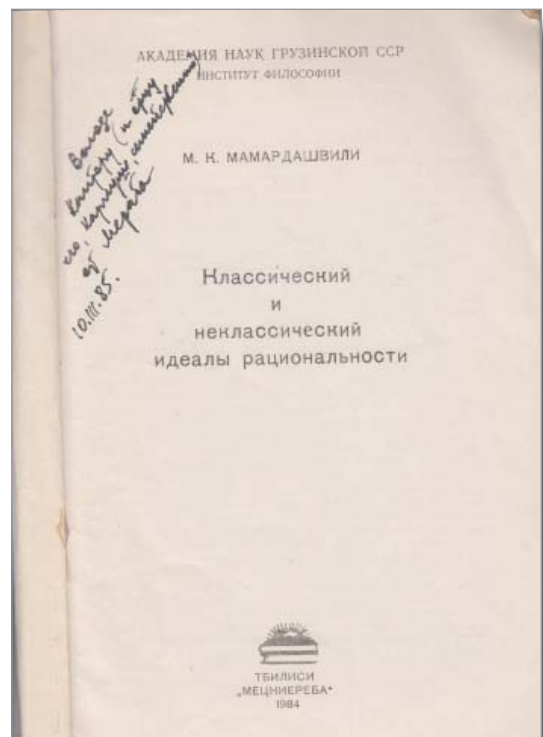
стью, но забавно, что я занял место дамы, на дух не переносившей отца и его идеи. Странные повороты жизни.

И еще необходимое добавление. В 1964 году на восточном берегу Сенежского озера близ города Солнечногорска во Всесоюзном Доме творчества «Сенеж» Союза художников СССР была создана экспериментальная студия дизайна «Сенеж» под руководством Евгения Абрамовича Розенблюма и Карла Моисеевича Кантора. За годы работы студии в ней прошли обучение свыше полутора тысяч художников и архитекторов из более чем 50-ти городов России, стран СНГ, Польши, Германии и Болгарии. Более 70-ти групп художников участвовали в учебно-творческих семинарах как в Доме творчества «Сенеж», так и в выездных мероприятиях в различных городах СССР и за рубежом.

В 2003 году один из участников проекта, потрясающий художник и дизайнер Марк Коник, выпустил толстый том «Архив одной мастерской» с фотографиями проектов и философическими статьями об искусстве, где в основном были статьи Марка. Но была и статья отца «Проектная

после лекций в «Националь» пить кофе.

Примерно на четвертой посиделке он поинтересовался, где я работаю. Я ответил, что уже три месяца без работы. Он пыхнул трубкой и сказал: «А почему к нам в “Вопросы философии” не попробуешь? На отдел эстетики. Нина Николаевна Козюра только что ушла на пенсию. Думаю, Фролов не будет возражать против сына Карла Кантора». Фролов, разумеется, возражать не стал, хотя были сложности с моей беспартийно-

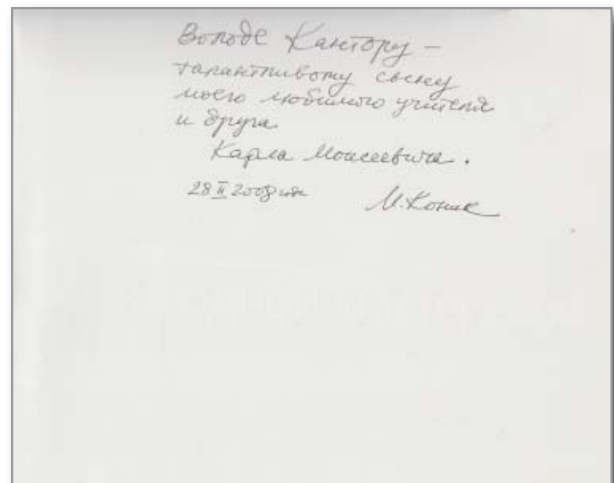

«Архив одной мастерской». Титул

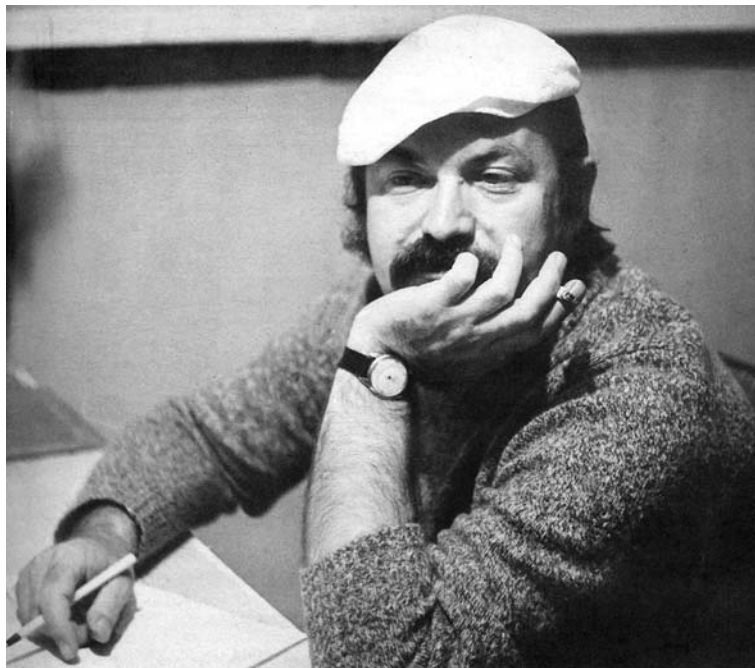
идея площади», в которой он рассказал о «художественно-проектной идее площади Маяковского». Разумеется, этот проект, как и многие другие, не был осуществлен. Философ и культуролог Олег Генисаретский резюмировал позицию студии, заметив, что главной темой становится именно проектность как первородное качество мышления и деятельности, культуры и природы, как вопрос о творимом и нетварном — в творчестве как таковом. Хочу показать еще титул этой книги и посвящение Марка мне.

Добрые слова автора

Несмотря на частые срывы мечтаний отца, он не воспринимал это трагически. Трагизм не прозвучал ни в одном его тексте. Он пытался искать и строить философские системы, которые несли бы элемент надежды на свободу. В своих работах по философии истории он ввел в научный оборот понятие парадигмы всемирной истории как парадигмы истории культуры в ее движении к свободе индивида, уточнив его понятием паттерна, то есть проекта конкретных культурно-исторических типов. С его точки зрения, нет общества — ни русского, ни западноевропейского, ни китайского, — в котором бы укоренялся лишь один тип паттерна. Тип культуры связан с определенным народом и формируется в процессе жизнедеятельности конкретного общества, этноса, народа. Но он обладает способностью перемещаться в другие общества, входить в них наряду

с другими паттернами, которые в нем укоренены. Отец выделял три фундаментальных типа патеральной культуры: персоноцентрический, социоцентрический и смешанный. В российской культуре доминирует смешанный — персоно-социоцентрический. Если парадигмальность в культуре может быть понята как ее изменчивость, способность к развитию, выходу за однажды достигнутые пределы, то патеральность

Марк Александрович Коник (1938, Ташкент — 2012, Москва)

культуры есть выражение ее наследственности. Процесс же исторического развития протекает во взаимодействии трех патеральных типов культуры и парадигмальной культуры. Парадигма всемирной истории, в отличие от движения доистории, не может быть реализована без парадигмальных проектов (как пример — иудео-христианская религия).

«Двойная спираль истории» — текст этого труда был подан еще как плановая работа в ИМРД, но был отклонен. С помощью младшего сына Максима книга вышла только в 2002 году. Она выразила представление автора об устройстве самого исторического процесса: именно переплетение веры и знания, христианства и античности, истории и социокультурной эволюции и есть залог движения. Итогом работы, занявшей около четверти века, стала книга, которая, как писали многие, является новой философией истории. Когда-то отец придумал термин «проектон» как основной кирпичик мироздания, но термин так и остался в его устных разговорах. Вот этим проектоном

в прямом и переносном смысле был он сам. Он умел увидеть ценное, которое не замечал порой сам творец. Однажды Марк Коник, слушая, как отец анализировал картину известного художника, усмехнулся и сказал в усы: «Мне кажется, что Карл Моисеевич повесил рядом на стенку другую картину, которую сам нарисовал». Кормер, друживший не только со мной, но и с отцом, очень ценил его устные импровизации

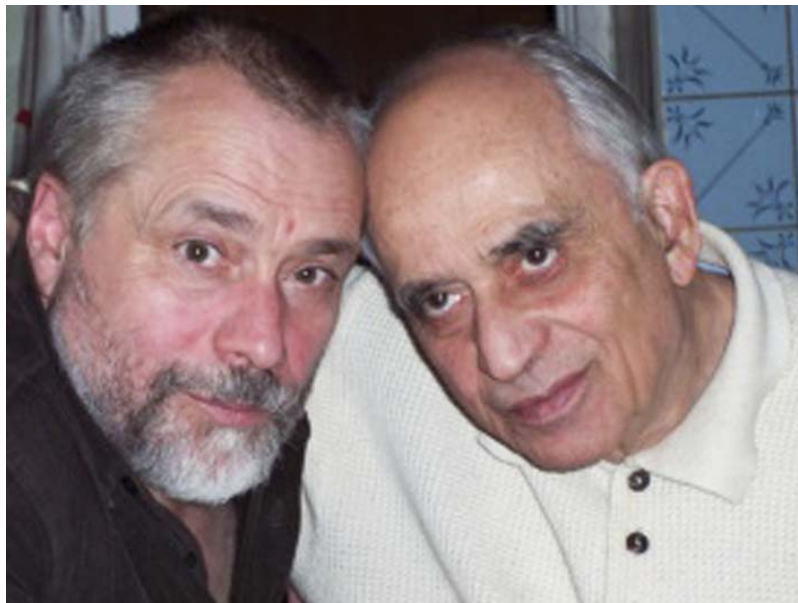
Самый главный роман В. Ф. Кормера (1939–1986)

по поводу своей прозы. «Всё хочется записать». Записано это так никогда и не было. Вообще устные импровизации, выступления были папиным коньком. Они были умны, остроумны, незлобны, с попыткой открыть нечто, не видимое в этот момент никому, даже ему самому. И вдруг истина проявлялась. И он радовался этому так же, как и его слушатели. «Мы не умеем ценить интеллектуальную личность, — сказал как-то Володя Кормер. — Если бы у нас в культуре был вкус к нетривиальным идеям, то Герберту Маркузе вполне стоило бы противопоставить концепцию Карла Моисеевича, и неизвестно, кто бы выиграл. У них Маркузе, у нас Кантор». Но отец был классическим русским интеллигентом, никогда не выпячивавшим себя.

Отец писал много, но печатать свои тексты удавалось ему не часто. Он всё время был не в фаворе. Сначала ему клеили «евромарксизм», потом, когда холодная война была проиграна, всякий европеизм стал приветствоваться, зато второй частью термина продажное начальство стало гнушаться. Папа был верен себе, не считая марксизм преступлением³. Выхода последней книги он не увидел. Я немного горжусь, что упробил отца ее написать — отдать долг фаросу его жизни — Маяковскому.

³ Перечислю опубликованные моим отцом книги. *Кантор В. К. М.*: 1) Красота и польза: Социологические проблемы материально-художественной культуры. М.: Искусство, 1967; 2) Людмила и Дмитрий Шушкановы: О художественном образе быта в станково-прикладном искусстве. М.: Советский художник, 1982; 3) Тысячеглазый Аргус: Искусство и культура. Искусство и религия. Искусство и гуманизм. М.: Советский художник, 1990; 4) История против прогресса: Опыт культурно-исторической генетики. М.: Наука, 1992; 5) Правда о дизайне. Дизайн в контексте культуры доперестроечного тридцатилетия (1955–1985). М.: АНИР, 1996; 6) Двойная спираль истории: Историософия проектизма. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. 1: Общие проблемы; 7) Тринадцатый апостол. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

Фотография сделана М. С. Киселевой в 2008 году

Своим сыновьям он писал стихи, отчасти поучительные. Кажется, на мое пятидесятилетие он высказал своего рода кредо:

Будь словом, Вова,
Плоть трава!
Оставь слова, слова, слова!

Это мотто определило во многом мою жизнь.

Список источников

- Кантор К. М. Красота и польза. М.: Искусство, 1967. 279 с.
Кантор К. М. Тринадцатый апостол. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 361 с.
Соловьев Э. Ю. Трагедия красоты в книге «Красота и польза» // Вопр. философии. 2012. № 12. С. 58–65.

References

- Kantor, K. M. (1967) *Krasota i pol'za* [Beauty and Benefits]. Moscow: Iskusstvo.
Kantor, K. M. (2008) *Trinadtsaty apostol* [Thirteenth Apostle]. Moscow: Progress-Traditsiya.
Solov'ev, E. Yu. (2012) "Tragediya krasoty v knige «Krasota i pol'za»" ["The Tragedy of Beauty in the Book 'Beauty and Benefit'"], *Voprosy filosofii*, 2012, 12, pp. 58–65.

Информация об авторе: В. К. Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: V. K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.11.2022;
одобрена после рецензирования 30.11.2022;
принята к публикации 05.12.2022.

The article was submitted 13.11.2022;
approved after reviewing 30.11.2022;
accepted for publication 05.12.2022.